

Часть первая

Глава 1

Солнце в зените, день в самом разгаре, а в лесу кажется, будто утро только-только наступило. И свежо, и гулко, и даже туман где-то по оврагам прячется. Осень, желтая листва на деревьях кажется золотой, радует глаз, усиливает чувство бодрости. А красная листва на рябине, напротив, навеивает грусть и нашептывает дурные мысли. Уж не в крови ли склонившееся над могилой дерево?

Могила разрыта, на дне мертвый мужчина лет тридцати. В спортивном костюме, на нем шерстяные носки и только на одной ноге галоша. Труп совсем еще свежий, и суток не прошло с момента смерти. Старушка гуляла с утра по лесу, грибы, ягоды собирала; увидела человека с лопатой, который присыпал землю листьями, рядом стоял второй. Старушка не растерялась, тихонечко дала задний ход, а через часок вернулась, думала выкопать клад, а разрыла могилу. Про клад женщина точно ничего не говорила, про него уже участковый додумал.

— Я не знаю, что она хотела здесь найти, — честно признался молодой

еще, но уже упитанный капитан с жидкими усиками под носом, — но пришла еле живая, сердце колотится, это еще хорошо, что у меня корвалол в аптечке имеется. И «Скорая» быстро подъехала.

Подполковник Прокофьев кивнул, глянув на совсем еще юного следователя из районной полиции. Безусый лейтенант в новенькой форме, стройный, подтянутый, но роста среднего, в разговоре он, бедный, невольно поднимался на носки, чтобы казаться выше. Но, как говорится, выше головы не прыгнешь. Ни навыков у него, ни опыта, чтобы раскрыть убийство. Да и не подследственно ему такого рода преступление. Не занимается полицейская юстиция убийствами, для этого существует следственный комитет.

Следственно-оперативная группа из района прибыла так же быстро, как и «Скорая помощь». Представитель следственного комитета по каким-то причинам не подъехал, группу возглавил молодой лейтенант. Осмотрев труп, он позвонил в управление уголовного розыска и обосновал вроде бы все правильно: убийство не совсем обычное, точно не бытовое. Потерпевшего задушили, да и факт незаконного захоронения говорил о многом. И все же Прокофьев принял вызов об убийстве неохотно, думал выслать с группой на место обнаружения трупа капитана Лукова, но в темечко полковнику Шимановскому что-то клюнуло, и Егору пришлось выезжать самому. И Лукова с женой он с собой взял. С недавних пор Саша больше работал в паре со своей молодой женой, чем с братом Пашей.

Впрочем, ехать далеко не пришлось, всего-то двадцать пять километров, девятнадцать по хорошей дороге, остальные по плохой.

Прибывшую из области следственно-оперативную группу возглавлял следователь Бутенков Дмитрий Романович. Он сразу же занялся трупом. А подполковник Прокофьев, поговорив с местным участковым, взглянул на лейтенанта-следователя. Тот, поймав взгляд подполковника, подался к нему, сообразив, что Прокофьев хочет побеседовать с ним.

— Лейтенант юстиции Сережкин! — Парень старался говорить спокойно и руку к козырьку не прикладывал, но от волнения его щеки подернулись румянцем. И на носках он едва заметно приподнялся.

— Труп обыскивал, Сережкин? — спросил Прокофьев.

Парень мотнул головой, поджав губы, но тут же кивнул.

— Так, поверхностно. Труп в яме, неудобно. В карманах пусто.

— Видимо, документы с собой забрали, — предположил участковый.

Ему слова не давали, именно это и хотел сказать Прокофьев, строго глянув на него.

— Кто забрал?

— Которые закапывали... Двое их было.

— Точно двое? Не трое, не четверо?

— Никифоровна двоих видела... Она, правда, видит плохо, катаракта у нее. Лиц не рассмотрела, но то, что их было двое, разглядела.

— И в машину двое садились. Джип там стоял. — Сережкин махнул рукой куда-то в сторону от дороги, которая шла из райцентра. — Следы остались, и от колес, и от ног. Свежие следы. Мы трогать не стали, вашим криминалистам оставили.

— А почему решили, что джип стоял?

— Колеса. Ширина профиля двести семьдесят — двести восемьдесят миллиметров, такие колеса только у внедорожников.

— Замерял или на глаз определил?

— Замерял. На глаз... Еще следы ботинок сорок третьего и сорок четвертого размеров у ямы имеются. С четким таким протектором ботинки.

— Дмитрий Романович, ты слышишь? — обращаясь к Бутенкову, спросил Прокофьев.

— Займемся, обязательно займемся, — кивнул следователь, глядя на труп, который осторожно вытаскивали из ямы.

Бутенков, казалось, и не замечал Прокофьева, но стоило ему только повернуть в сторону, куда указал Сережкин, встрепенулся и шагнул вправо, преграждая ему путь. Он ничего не сказал, но все было ясно без слов. Пусть сначала криминалист осмотрит место захоронения, а оперативники — во вторую очередь. Тем более что местные полицейские уже потоптались по следам.

А мужчина Бутенков крупный, на вид внушительный, но Прокофьева остановило другое — уважительное к нему отношение. Сколько лет они вместе, сколько дел совместно раскрыто.

Прокофьев улыбнулся, вскинув ладони на уровень плеч. Из уважения к боевому товарищу он готов повременить. Сережкин понял все правильно.

— Я осторожно там осматривал, — оправдываясь, сказал он.

— И двоих насчитал? — даже не глянув на него, спросил Бутенков.

— Ну да. Они сначала из машины вышли, носки ног в одну сторону повернуты, а когда садились — в

другую. И у багажника натоптано. Они труп на землю не опускали, сразу понесли.

— Так, может, и не было там трупа.

— А вес? Они тяжесть несли — следы от ботинок до самого места захоронения тянутся. На черный груздь наступили, он всмятку.

— Черный груздь у нас в лесу редко встретишь, — с сожалением сказал участковый.

— Черные тюльпаны еще реже, — мрачно усмехнулся Прокофьев.

Под «черным тюльпаном» он подразумевал спецмашину, которая должна будет забрать труп.

— Ну да, — склоняясь над трупом, кивнул Дмитрий Романович.

— Кстати, а «черный тюльпан» по какой дороге должен подъехать? — спросил Саша Луков.

Высокий парень, худощавый, длинноногий, и бегаёт, и препятствия берет, как призовая лошадь. Сильный, выносливый, юморной, любит поговорить. Одно время со своей женой Лидой постоянно ссорился. Женился, развелся, не так давно снова расписался с нею. И с братом его близнецом такая же история, только у него жена Раиса. лейтенанты Феоктистова и Сальникова когда-то служили в спецназе МВД, а затем перешли в уголовный розыск, там и схлестнулись с Луковыми. Искры летели — с таким скрежетом они притирались друг к другу, но ничего, стерпелись, слюбились, теперь неразлейвода.

— Через Крыжовку, — просветил Сережкин.

— А на какой дороге джип стоял?

— Ну тоже на Крыжовку выйти можно, — кивнул участковый.

— Откуда?

Серезкин замялся, глянул на участкового, тот пришел на помощь.

— Так это, Любонька там, — махнув рукой куда-то на юг, сказал он. — Деревня такая. В ней сейчас почти никто не живет.

— Почти? — спросила Лида.

Красивая девушка, худенькая, стройная, ей бы моделью быть, а она спецназ выбрала и романтику уголовного розыска. И ничего, служит, не жалуется. И Прокофьев на нее не жалуется. Хороший опер, толковый, а то, что с мужем ругалась, так у кого в семье не бывает... Иной раз даже пользу приносит. Однажды супружеская ссора Луковых помогла ему выйти на банду киллеров, а дело тогда пахло керосином. В убийстве обвиняли самого Прокофьева, и, если бы не Лида с Раисой, Егор как минимум лишился бы должности, а может быть, и свободы.

— Да старушки там живут. Доживают... А на выходные из города народ наезжает. Зимой редко, а летом ни одного свободного дома.

— А сейчас дома свободные? — поощрительно глянув на Лукова, спросил Прокофьев.

Неспроста Саша спросил, куда ведет дорога. Не так давно к ним в управление обратился парень, по простоте своей душевной переспавший с женой известного в городе криминального авторитета. Карамболь пообещал оторвать Герасиму хозяйство вместе с ногами, парень спрятался в деревне у своего знакомого. Но бандиты его нашли, правда, погиб тогда совсем другой человек. Но Герасимов прятался от бандитов. И потерпевший, над телом которого возился Бутенков, тоже мог прятаться. В Любоньке. И его могли найти.

Труп, конечно, могли привезти из города, но галоша на ноге покойника опровергала эту версию. Не принято в городе ходить в галошах.

— Не все дома свободные, но много.

Прокофьев еще раз глянул на покойника. Его извлекли из ямы, стряхнули с лица землю. Следы крови на подбородке, нижняя губа расквашена, скула сбита, под глазом синяк. И на шее странгуляционная борозда свидетельствовала о насильственной смерти. Сначала потерпевшего избили, а затем уже задушили.

А ведь где-то видел Егор этого человека. Может быть, вскользь соприкоснулся с ним, не заостряя на нем внимания, потому и не отпечатались в памяти его фамилия. Но занимался этот парень явно чем-то нехорошим.

Криминалист Еремеев очистил пальцы покойника от грязи, приложил их к дактилоскопическому считывателю, запросил идентификацию. Ответ пришел практически мгновенно.

— Асвалов Виктор Максимович, семьдесят девятого года рождения, две судимости, обе по двести двадцать восьмой статье¹.

Прокофьев поднес к виску собранные в щепотку пальцы и щелкнул ими. Чугуй — город большой, не мог он знать всех уголовников наперечет, но, видимо, где-то пересекался с Асваловым... Ну да, в управлении он этого парня и видел, в наручниках его вели в кабинет к майору Динскому, который

¹ Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства.

тогда был всего лишь старшим оперуполномоченным в отделе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Прокофьев позвонил Динскому. Тот сразу отозвался.

— Здравия тебе, Егор Ильич! — Голос его звучал бодро, но как-то уж очень сухо, практически без интонаций.

Динской все еще майор, но уже заместитель начальника управления по контролю за оборотом наркотиков в системе областного УВД.

— И тебе того же, Валерий Станиславович. Фамилия Асвалов тебе что-нибудь говорит?

— Упс!.. А что такое? — оживился Динской.

— Да вот, по грибы ходили, трюфелей хотели накопать, а нарыли Асвалова. Еще не гриб, но уже не живой... Давай выкладывай, что там у тебя за «упс»?

— Так это не телефонный разговор.

— Совсем не телефонный?

— Давай так, выкладывай свои координаты, я сейчас подъеду, гляну на месте, что случилось. И поговорим.

Видно, крепко зацепило Динского убийство, если он так легко собрался в дорогу. Даже не спросил, как далеко ехать.

Егор объяснил коллеге, как добраться до места, а сам вместе с Луковым и его боевой супругой отправился в Любоньку. Как оказалось, в деревню можно было попасть и по другой дороге, чуть более длинной, но лучшего качества.

Как оказалось, эта более лучшая дорога шла не через лес, а в обход него. Вела она к райцентру, но попасть по ней можно было и в Любоньку. Свернули на указатель, прошли километр-другой и

оказались в деревеньке, разделенной рекой, более похожей на ручей. Дома все бревенчатые, обшитые доской, почти все избы покрашены, дворы ухожены, но людей действительно мало. Вторник сегодня, рабочий день, а вторая половина октября — не самое лучшее время для отпусков.

Прокофьев заметил двух старушек, они сидели на скамейке возле дома у спуска к ручью и грелись на солнышке, которое в любой момент могло исчезнуть за тучами. Погода сегодня хорошая, но будет длиться недолго. Октябрь месяц на исходе, а в ноябре уже практически зима.

К старушкам отправилась Лида, спросила, разговорила. Одна женщина махнула за речку рукой, другая — клюкой, но обе указали одно направление.

— Парня вчера видели, чернявый, в черном спортивном костюме, — усаживаясь в машину, сказала Лида. — Крайний дом, у самого леса, он там возле машины ходил. Женщины прогуливались, видели.

— А еще кого видели? — Прокофьев смотрел на железобетонные плиты на мосту.

Через него и предстояло сейчас ехать. Плиты старые, с трещинами, как бы не развалились под весом его внедорожника. Но нет, выдержали. Машина перебралась на другой берег, легко взяла подъем.

Дом, о котором говорили женщины, находился на самой окраине деревни. Дорога, по которой к нему подъехали, не заканчивалась, а сворачивала в лес. Возможно, та самая дорога, на которой преступники оставили свой след.

Следы от колес и ботинок с протекторами остались и возле дома. Автомобиль стоял у самого крыльца, причем совсем недавно. Стоял на траве,

но уезжал по участку, лишенному дерна, и в этом месте следы колес отпечатались особенно хорошо. Там же Прокофьев заметил и следы от ботинок. И пожалел о том, что не побывал на месте, где Сережкин обнаружил отпечатки колес крупного диаметра. Впрочем, там сейчас мог работать Еремеев, а у него смартфон, есть и профессиональный фотоаппарат, в общем, переслать изображение — не проблема.

Судя по следам в траве, участок с открытым грунтом находился как раз в районе багажника автомобиля. В него, возможно, и погрузили труп Асвалова.

Следы борьбы вели в дом от самого порога. На веранде у двери валялся перевернутый ящик, рассыпанная по полу и лестнице картошка мешала движению. В сенях валялся ящик с домашней консервацией, все банки разбились, на полу смесь из яблочного и сливового варенья в осколках стекла. Дорожка у входа и в жилую половину скомкана, дверь нараспашку, сразу за ней стоял сдвинутый с места кухонный стол, на полу валялась посуда. В горнице такой же бедлам, ковер на полу смят, стол перевернут, стул сломан, стекла в серванте разбиты, осколки разбросаны. И знакомая галоша на полу.

— Асвалова сначала избили, — осматривая комнату, предположила Лида.

— Сначала он убежал... — сказал Прокофьев, глядя на подушку, которая лежала у самого окна. — Откуда, можно догадаться...

Туалет во дворе, ночью Асвалов мог выйти из дома — в галошах на шерстяные носки, на обратном пути увидел подозрительных типов, бросился

от них в дом, те за ним. Сначала сбросил ящик с картошкой, чтобы хоть как-то притормозить преследователей, затем столкнул в проход варенье. И стол он развернул, чтобы задержать противников. Но почему он бежал в дом? И почему подушка валяется на полу? Возможно, там под подушкой у него находилось оружие — нож или даже пистолет.

Но за оружие он, видимо, взяться не успел. Подушку, под которой оно лежало, отбросить успел, а дальше последовала целая серия ударов, справиться с которыми он не смог. Сначала его избили, затем задушили.

— А душили его здесь. — Саша указал на сервант, возле которого мог находиться убийца. — Он сидел, Асвалов лежал спиной к нему, он его душил... След от ноги остался.

Действительно, на пыльном полу виднелась полоса, которую могла оставить резиновая подошва. Возможно, убийца с силой отталкивался от пола, затагивая удавку на шее Асвалова. Возможно, потерпевший сопротивлялся.

— И галоша, — кивнул Прокофьев.

— Откинул галоши? — усмехнулась Лида.

— След не от галоши.

Саша хотел подойти ближе и пальцем показать на полосу от чьей-то подошвы, но Прокофьев предостерег его.

— Давайте не будем злить Романа Дмитриевича, — указывая на выход, сказал он.

Они уже получили примерную картину произошедшего, с подробностями пусть разбираются эксперты. Может быть, преступники оставили свои пальчики. Они, похоже, не особо заботились о том, чтобы уничтожить следы. А зачем, если они собира-

лись избавиться от трупа? Как говорится, нет тела, нет дела.

В сенях Прокофьев остановился. Разлитое на полу варенье преступников не сдержало, они наступали в жижу, оставляя следы по всему полу. И судя по следам, было не два человека, а больше. Асвалов не наследил, он бежал впереди, сбросил банки с вареньем, после него прошли еще трое. Эксперты разберутся со следами, снимут слепки, возможно, еще и четвертый преступник нарисуетя.

Глава 2

Место и объект преступления сфотографировали, труп увезли, только тогда появился Динской. Лицо круглое, нос маленький, да еще и приплюснутый, брови густые, черные, а глаза бесцветные. Плотный, подкачанный, ростом даже ниже среднего, но при этом никакого стремления казаться выше. Движения энергичные, походка пружинистая, будто летящая. Он с такой скоростью надвигался на Прокофьева, что возникло желание выставить руку, отгораживаясь от него.

Динской остановился.

— Опоздал? — спросил он виновато.

— Да нет, еще к Любоньке ехать, — усмехнулся Прокофьев.

— Куда?

— Деревня Любонька, там, думаю, Асвалова и убили.

— Кто?

— Ну автографов там осталось много, расшифруем, будем знать. Преступники уехали, предположительно, на машине Асвалова.

Прокофьев задумался. Преступники погрузили труп Асвалова в его же машину, вывезли покойника в лес, похоронили, на его же машине и уехали. Но вряд ли они добирались до Любоньки пешком, скорее всего, их машина осталась где-то в сторонке. Преступники похоронили Асвалова, его внедорожник загнали куда-то в лес, а уехали на своей машине. Возможно, автомобиль Асвалова находился сейчас где-то неподалеку от места преступления.

— А точно Асвалов был? — спросил Динской.

— А что, есть сомнения?

— Да мало ли, вдруг подмена какая-то. У Освальда дела нехорошие со Свищом... Освальд — это Асвалов.

— Чем занимался Освальд?

Свища Прокофьев знал хорошо. Но с плохой стороны. Не так давно жестко с ним схлестнулся, за что едва не схлопотал выговор от начальства. Свищ взял под себя всю наркоту в городе, во всяком случае, стремился к этому. Раньше он работал под Карамболом, но летом этого года объявил о своей независимости. И Карамболь ничего не может с ним поделать.

— Чем занимался... Вещества в «Чугунке» толкал. Сколько раз его ловили, сколько предупреждали, а все без толку. — Динской понизил голос, выразительно глянув на Сашу Лукова, который стоял неподалеку.

Прокофьев его понял, они отошли в сторонку, чтобы никто не слышал их разговор.

— Короче, Освальд был моим контактом.

— Что нехорошо было у Освальда со Свищом?

— Девчонка у него была, наркоманка, Освальд ее с иглы снял.

— Я не понял, ты в наркоконтроле служишь или в управлении фантастики? — Прокофьев хмуро смотрел на Динского.

Они же не сопливые юнцы, а зрелые опера, за чем им кормить друг друга баснями, сочиняя их на ходу?

— Если честно, я сам не поверил, когда услышал. Но потом оказалось, что все так и было. Мимоза реально расцвела, Свищ ее в свой цветник взял.

Прокофьев усмехнулся. О цветнике Свища уже скоро легенды слагать будут. Бордову как-то пришлось проехаться по его любовницам, умаялся, бедный.

— И Освальду сказал, что с Мимозой все, а Освальд есть Освальд...

— Что Освальд?

— Ну спит он с Мимозой.

— И Свищ мог его за это убить?

— Этого я не говорил, — пожал плечами Динской.

— Ты сказал другое... Ты не удивился, что Освальда убили.

— Ну так он же мой контакт. Его за одну связь со мной могли грохнуть.

— Он тебе звонил, просил защиты?

— Да нет.

— А ведь он от кого-то прятался. Может, от Свища.

— Есть еще один момент. Можно сказать, рабочий. Свищ на Хикса жестко наехал. А Хикс реально вещества бодяжил, Свищ давно его подозревал. И предупреждал, а недавно вот наехал.

С Хиксом Прокофьев дел не имел, но слышал о нем краем уха. Один из свищовских наркодилеров

среднего звена, птица не очень высокого полета. Но птица.

— А Освальд здесь при чем?

— Так Хикс через Освальда навар свой в «Чугунке» сбывал, а прайс они между собой делили.

— Это точно?

— Точнее бывает только проверенная информация, — усмехнулся Динской.

— С Хиксом бы поговорить... Или поздно уже?

— Почему поздно?

— Ну если Свищ на него наехал.

— Да нет, в морге об этом пока не известно.

— Так давай поговорим с Хиксом.

— Где живет Хикс, я знаю.

— Поедем к нему?

Динской немного подумал, решительно кивнул, быстро развернулся и так же стремительно набрал скорость.

Хикс жил в центре города, в доме у трамвайной линии между церковью и торговым центром. Земля дорогая, а дом, мягко говоря, не очень. Старенький дом из красного кирпича, шиферная крыша от времени подернулась мхом, позеленела. А сам Хикс посинел. И тоже, можно сказать, от времени. Труп его, возможно, пролежал всю ночь и большую часть дня.

Тело уже укладывали на носилки, когда подошел Прокофьев. Автомобиль патрульно-постовой службы стоял у дома, рядом был припаркован микроавтобус следственно-оперативной группы и специализированный автомобиль с красным крестом и с холодильной камерой. В доме работали криминалист, судмедэксперт. И следователь. С таким же скучающим лицом, как у всех остальных полицейских.

— Зря приехали, товарищ подполковник, — обращаясь к Прокофьеву, с постным видом сказал майор юстиции Шарков. — Несчастный случай.

— Отравление угарным газом... — подтвердил судмедэксперт, показав на газовую печь в углу комнаты. — Дом старый, отопление неисправное, газ полностью не выгорает.

— Все время выгорал, а сегодня не выгорел? — Прокофьев осмотрел комнату, диван, с которого только что подняли труп.

Потерпевший ложился спать в одежде, в этом ничего подозрительного. Но где подушка? Вряд ли следователь решил изъять ее в качестве вещественного доказательства.

— А смерть, она бывает только раз, — философски ответил Шарков.

— И всегда наступает впервые, — поддержал майора судмедэксперт.

Ему так же, как и следователю, не терпелось поскорее убраться из дома.

— Значит, гражданин Полотнов сам умер? — спросил Динской, глянув на Прокофьева.

— Говорю же, отравление угарным газом, — ответил эксперт, переглянувшись со следователем.

— А подельник Полотнова сам задушился и сам закопался?

— Какой еще подельник? — нахмурился Шарков.

— В том-то и беда, Юрий Алексеевич, что и Полотнов, и его подельник погибли в один день, — сказал Прокофьев.

— И погибнуть они должны были в один день, — добавил Динской. — И погибли.